

Слово в защиту Шарикова

Казалось бы, разногласия в трактовке повести М.А. Булгакова "Собачье сердце" возникнуть не могут. "Пёс остаётся псом, плохого человека исправить невозможно", – утверждают, как под копирку, авторы анализов произведения. "Шариков – недо-человек", - вторит им советская экранизация. В этом культе всеобщего восхваления профессора Преображенского трудно расслышать собственные мысли или просто взглянуть на ситуацию под иным углом. И всё же, что, если допустить существование иной версии?

Я считаю, что повесть полезно рассмотреть как некую аллегорию на взросление. Шарик – беспомощный, безмолвный и податливый ребёнок, но вот, однажды, он входит в подростковый возраст: обретает голос, заявляет о себе. До встречи с Филиппом Филипповичем он долгое время прожил на улице, где терпел всяческие лишения и ужасающее отношение к себе. Шарик не знал другой жизни и быстро привык к происходящему. В первое время после операции он повторяет лишь то, что всю жизнь слышал от людей: "пивная", "мест нету", "буржуи", "я тебе покажу", "В очередь, сукины дети, в очередь!". Похожую мысль излагает доктор Борменталь в дневниковой записи от 8-го января. Иван Арнольдович считает ругань "этого существа" бессмысленной, имеющей фонографический характер: будто случайно услышанные бранные слова были подсознательно занесены ему в мозг. Последующие поступки Шарикова обусловлены всё тем же: он с детства видел только грубость, воровство и пьянство, а потому перенёс эти знакомые явления в свою новую жизнь.

Не стоит, однако, думать, что становление Полиграфа Полиграфовича как высоконравственной личности было невозможно уже по причине низкого происхождения. Поселив пса в своём доме, Преображенский получил возможность воспитать достойного человека, однако не захотел этого сделать. Что же получил Шариков, едва начав познавать абсолютно новый для себя мир? Бесконечные упрёки, оскорбления и обесценивание. Филипп Филиппович ни во что не ставит ни самого Шарикова, ни его выбор, а при малейшей возможности выпячивает собственный авторитет: одежда – не та, имя – не то, друзья – не те. Не удивительно, что в конечном итоге профессор получает соответствующее к себе отношение.

И Шарик, и Шариков – жертвы. Жертвы общества, науки и человеческой глупости.